

ДОМ

(Поэма)

Начало дня.
 От солнца вскользь — игла,
 Что нить огня,
 Как в вышивку, вплела
 В узор земной.
 И ветер-медовой
 Пошел волной
 Вминать хлеба полей.
 С травой, свистя,
 Заводит хоровод.
 И, как дитя,
 Ветла в ладоши бьет.
 И, птичьих стай
 И песен их полна,
 Из края в край
 Цветет моя страна...

Гляди, Маркки:
 С утра явились к вам
 Все земляки,
 Кто на толоку зван.
 Рядком к рядку
 Уж кирпичи кладут.
 По холодку
 И спор, и легок труд.
 Вишь, наверху
 Парнишка с мастерком,
 Хоть телом худ, —
 С прохладцей не знаком.
 И озорной
 Затеял разговор
 С девчонкой той,
 Что подает раствор.
 Играет кровь,
 По жилушкам поет!
 Тут и любовь —
 Не только труд и пот.

— Где ж песня та,
Что пела старина?
— Стой, суета!
Здесь новая нужна.
...Не соловей
Над ветлами села —
Напев полей
Девчонка вознесла,
Один... другой...
Подстали голоса.
От песни той
Все выше небеса.

* * *

И вспомнилось Маркки: как печи под,
Земля тверда. Обожжены дубравы.
Иссякли реки, и родник не бьет,
И жестче жести высушенные травы.
И в ледяющей душу тишине
Мысль, что один остался ты на свете,
Вдруг ужаснет, когда в ночном окне
Луны безглазый череп заметишь.
Комочек жизни, немощный, худой,
Лежишь, похож на блекнувшее лыко.
И молит дед: «Маркки... родной ты мой...» —
В смертельной муке безголосым криком.
Задремлешь. Но и сон не принесет
Забвенья и покоя. Голод — вот он:
Не то, чтобы под ложечкой сосет, —
Резь в животе сверлит коловоротом.
Встает, цепляясь за стену, старик,
Да не за хлебом он идет — за глиной,
Тебе свистульку-птицу мастерит,
Чтоб отвлекла хотя б на час единый.
Еще дыханье есть, как ты ни плох, —
В сухих губах пищит со всхлипом птица.
Какой ценой оплачен каждый вздох,
Чтоб на Земле живому утвердиться!
Тебе свистулька увлажнила рот,
Ты прокусил ее, жуешь упрямо.
Покамест до сознания не дойдет,
Что это — глина, не медовый пряник.

Угасла мать (крапива не спасла),
Ушла, оставив сироту на деда.
Терпи, Маркки! Пусть бедам несть числа,
Да будет за младенчеством победа!
Не зря в час предрассветной темноты,
Как рухнул старый мир под гром «Авроры»,
На этом свете появился ты,
Свободные наследуя просторы.
Родился — так живи. Держись за жизнь,
Вцепись в нее руками и зубами,
Судьбы колеса катятся, кажись,
По-новому, в согласье полным с нами.
Терпи, Маркки! Все будет: хлеб и мед.
Ты станешь сильным, первым в каждом деле.
Какой эсрель * дорогу перейдет
Чувашу из Октябрьской колыбели?

* * *

Так начинал Маркки свой трудный век.
И, слушая поющих на толоке,
Он вспомнил юность, старый человек,
Как принял первый бой за Териоки
И как пришел домой, орел орлом,
Шюцкоровцам пришел надолго память,
Жениться думал — только дедов дом
Совсем одрях, источенный червями.
Дед в землю смотрит. Тягостно ему:
А что как родовой очаг угаснет?
«Женись, Маркки! Без деток мрак в дому!» —
Покоя не дает — и все напрасно.
Пришлось несладко, что там говорить:
И лес валить, тонуть в снегу глубоком,
И грязь месить, и от надсады выть —
Все испытал. И сруб готов был к сроку.
Но вдруг под срубом дрогнула земля,
И потемнело небо от набата.
Вставай, Маркки! Мечты не утоля,
Бросай топор, бери ружье солдата!
Четыре года воевал Маркки.
За мир, за утро с песней соловьиной,
За труд, за счастье дружеской руки
Сквозь смерть и кровь дошел он до Берлина.
Дед ждать устал. Переселился дед

* Эсрель (чув.) — злой дух.

В деревню ту, где петухов не слышать.
Пришел солдат — все пусто: сруба нет,
Лишь ветерок густой бурьян колышет.
Кого винить? Прошла через село
Войны дорога. Если б мостовая!
Водители на ней срывали зло,
В распутицу по кузов увязая.
Лес далеко — поля со всех сторон.
И стал твой сруб прифронтовой дорогой.
Распиленный, пошел на «шашки» он,
С врагом сражался, был тебе подмогой.
Что ж, начинай с начала все, солдат!
Немного денег выдали в артели,
И сельсовет помог. Да вновь беда:
Лишь год прошел — и деньги устарели.
Не перышко лебязье жизни гнет,
Но наш Маркки на все махнул рукою.
Три дня ласкал он девушку. И вот,
Уже живет с женою молодою.
Хорошая подруга Насюкка!
Где б ни ютились, рдела зорькой вешней.
Лишь через год, решив: «Сойдет пока!»,
Купили домик — так себе, скворешня.
А стали дети комнатку теснить —
Пристроили к избушке боковушку.
Тепло, уютно. Что теперь не жить!
Есть хлеб, картошка, творог на ватрушку.
Страна еще нагар и грязь войны
Не соскребла с себя, лечила раны.
Крестьянин знал: сусеки неполны —
Не ожидай машин, как с неба манну,
Был мирным мир. Но кой-кого пугал
Плуг, что в руках вчерашнего солдата.
Чтоб остудить наш трудовой накал,
Подули ветры НАТО и СЕАТО.
В такое время дом ли на уме?
Мечту о нем на завтра жизнь оттерла.
А жить Маркки вполсилы не умел,
Как бригадир, забот обрел по горло.
Расти хлеба, приумножай стада,
И лес руби для шахт и новостроек.
Ох, а налогов на крестьян тогда
Легло — бросал деревню, кто не стоек.
В иные годы урожай — сам-брат.

Чего же ждать, коль жали на морозе!
Земля тоща. Где он, суперфосфат?
А скот голодный нив не унавозит.
И злость брала: да неужель народ,
Что мир потряс своею бранной силой,
Ключа к земле такого не скует,
Чтобы поля пышней заколосились?
И вот слились колхозы-островки —
Не до упаду труд в большой артели.
Хоть денег и не скажешь, что мешки,
А все-таки дела повеселели.
Ты помнишь ли, Маркки: лишь муравой
Была когда-то улица покрыта.
Искали куры корм немудрый свой,
Чуть лошадям не лезли под копыта.
Теперь, поди, найди-ка ту траву!
Как говорится, отошла в преданье.
Грузовики дорогой воздух рвут,
А чуть поодаль — трактора рядами.
И человек не шире ль стал в груди?
Иной настрой, иные думы ныне.
Тяжелых вздохов время позади,
Окреп он верой, что и горы сдвинет.
Четыре взрослых сына у Маркки.
Старшой в родном колхозе агрономом.
Женат. И полюбуйтесь, земляки, —
Уже добротным обзавелся домом.
Да и второй не бездарь. У него
К металлу тяга с детства. Хоть порою
Бранила мать, добился своего —
Детали точит на Тракторострое.
А двое младших, хоть глазам не верь,
Не где-нибудь, а в университете.
Он в Чебоксарах, рядышком теперь,
И потому частенько дома дети.
Поскребыш, тот замыслил цех такой,
Где б только кнопки нажимал рабочий.
По Сеспеля стопам пошел другой,
И скоро книжка выйдет, между прочим.

* * *

Как солнышко печет!
А парень то и знай
Кричит: «Живее, черт!

Кирпич, кирпич давай!»
В поту блестят тела,
Как окунулись в лак.
— ...Такие, брат, дела!
Ты слышишь, а, земляк?
Так разговор ведут —
И делу в лад слова.
Согласный, общий труд
Всему здесь голова.

— Ай-яй, Маркки, Маркки!
Зачем нам ставить, дед,
Себе особняки
На старости-то лет?
И прежний не в развал,
Еще куда с добром!
Поскребыш настоял?
Пусть наживет горбом.
Иль хочешь, между дел,
Еще иметь сынка?
— Хотеть-то бы хотел —
Хотелка коротка.
Нет, все же нужен дом,
Всю жизнь мечтал о нем.

— Эй, годы под откос,
И тех уж с гулькин нос!
— Чего недостает?
На пенсию вот-вот.
Гости у сыновей,
Сам созывай гостей.
Не каплет с потолка,
И матица крепка.

— Ну, хватит! Не смехи,
Маркки не лыком шит.
Поди, на свете том
Не выглянешь в окно.
Кто угостит чайком?
Вот то-то и оно!
А здесь и дом такой,
Что солнце с трех сторон,
Магазин под рукой,
И садик за двором.

И будет где сплясать,
И где столы накрыть,
И внуков привечать..
— Ну, что уж говорить!

* * *

Тень от ветлы становится длинней.
Спадает жар. И ветер поддувает.
Дрожит листва, и каждый лист на ней —
Как будто искры солнца отряхает.
В поблекшем небе жаворонок смолк.
Иль жажду пенья утолила птица?
Сквозь камыши к гнезду плывет чирок,
За ним подружка с кряканьем торится.
А небо в мягких перьях облаков,
Задумчивое, тихое такое.
Сама природа нежным языком
Напоминает людям о покое.
Еще гусята по пруду снуют,
Но скоро и они нырнут в ворота.
Всех доброй песней «баюшки-баю»
Укачивает бабушка Дремота.
Мычанье донеслось издалека.
Вот по мосту протопали коровы.
Нам перед сном поставит Насюкка
По полной кринке молока парного.
Но не торопится никто из нас
Кончать работу, стлать постель в чулане.
Пойдет хозяин — скажем: «Мы сейчас!
Вот подышать прохладой есть желанье.»
И лишь когда нас трижды позовут,
А тетя намекнет на стопку водки,
Как говорят, с устатку, — ну уж тут
Идем на кухню чинною походкой.
Как пчелка, что по капле носит мед,
Глядь, к осени кадушку накопила! —
Так у Маррки заветный дом растет,
И завтра в небо вскинутся стропила.
Он будет украшением земли,
Уютным, мирным и гостеприимным.
Приветственно помашут журавли,
Над ним парадным пролетая клином.
Сбылись, сбылись они, мечты отцов!

Да, какова она, судьба чуваша!
Как просветлело улицы лицо!—
Ведь что ни дом, то праздник в селах наших.
И только ль в селах! Вот он, Шубашкар.
Давно ли был сараем для рогожи?
А нынче, хоть годами очень стар,
Стройнее стал, красивей и моложе.
Пройдите до заводов, до полей —
Везде прекрасны труженики-люди.
Каких провижу в них богатырей!
От их ростков какие всходы будут!
Народ, что в мире смутным был пятном,
Не захирел, не сгинул в злой обиде.
Как памятник труду, вознесся он —
Со всех материков сегодня виден.
Богат, наряден у чуваша дом,
Весь озаренный ярким солнцем века.
Да будет мир, любовь и счастье в нем
Во имя и во славу Человека!

Перевод Павла Голосова.